

FORUM
ФОРУМ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ

№ СХVI-СХVII • 2017

**Орловской области
80 лет**

* * *

Жизнь начинается с любви.
 Её высокие качели
 Летят над сумраком вечерним
 В свеченье Спаса-на-крови.
 Всё начинается с глотка
 Её горящего напитка —
 Так век уходит с молотка
 За тайну дедовского свитка,
 Так непослушная земля
 В смятении из-под ног уходит,
 Когда со смертным говорят
 Звучаньем грозových рапсодий
 Они, чей вечный маховик
 Играет бурных вод теченьем.
 Жизнь начинается с любви
 И служит ей предназначеньем.

Андрей ФРОЛОВ

Андрей Владимирович Фролов родился в 1965 году в Орле. Автор шести книг стихотворений и рассказов. Публиковался во многих литературных изданиях России. Произведения включены в антологию современной литературы «Наше время», антологию «Русская поэзия. XXI век». Лауреат и дипломант ряда всероссийских и международных литературных премий и конкурсов. Член Союза писателей России. Поэт, прозаик. Живёт в Орле.

К БАБКЕ НЕ ХОДИ

Вкрадчивый стук в дверь не насторожил Александра Ивановича. Не отрываясь от бумаг, разложенных на столе, он устало бросил:
 — Войдите.

Всего третью неделю молодой агроном Силаев исполнял обязанности главы сельской администрации — председателя сельсовета, по-старому, — но уже совершенно выбился из сил.

Всё началось в конце июня, когда «сверху» пришло распоряжение

с обычной в таких случаях текстовой: «в связи... освободить от занимаемой должности... в целях... назначить...» и так далее. Никто даже не поинтересовался, согласен ли он, справится ли.

А теперь... Сенокосная пора пролетала с космической скоростью, сроки были упущены, две недели небеса без перерыва низвергали дождь на несчастную силаевскую голову и подведомственные ей уголья. Первый «сухой» денёк выдался лишь сегодня, но когда-то ещё провянет напитающаяся водой чернозёмная округа...

Дверь открылась широко, явно соперничая с широтой улыбки вошедшего человека. Вид он имел, по меньшей мере, необычный. Лет шестидесяти, но моложавый. Сразу под жёстким седым ёжиком волос — кустистые брови, диким мхом нависающие над колкими глазами, стремительно снующими по лицу, то и дело норовя перескочить забор переносья и слиться в одно большое магнетическое око. Одет незнакомец был в застиранную серую куртку, которую по груди, на манер португепи, перепоясывал широкий ремень спортивной сумки. Старомодные джинсы подвёрнуты до колен, ноги босые и грязные, сандалии жёлтой кожи приторочены к сумке.

— Здравствуйте, — не сужая улыбки, посетитель размашисто шагнул к столу. — Вот. Нелегко к вам добратся, ох, нелегко, Александр Иванович. Дороги-то развезло, так я — напрямки. Идёшь, красотища вокруг — Русь, простор! Завидую вам, Александр Иванович, белой завистью завидую! В таких местах живёте!

Силаев слушал, не решаясь перебить этого восторженного человека. Дело было к вечеру, и глава уже так устал, что даже не удивился ни появлению странного ходока, ни тому, что совершенно незнакомому человеку известны его имя-отчество. Не прояснялась пока и цель визита гражданина.

Быстроглазый товарищ вёл себя совершенно по-хозяйски: шлёпнул на стол свою сумку (сандалии при этом звучно чмокнули подмётками, будто в ладоши хлопнули), ухватил стул, развернул его и прочно уселся верхом, скрестив чумазы лодыжки.

— В каком краю живём, Александр Иванович! Святая земля! Мы же с вами самые богатые в мире люди! Так неужели мы не хотим жить лучше?

— А в чём, собственно...

— Вот! Вот именно, к делу!

Посетитель резво вскочил на ноги, порылся в объёмистой сумке, выудил толстую розовую папку и тут же углубился в изучение её содержания, будто выключился на время.

Посидев с минуту молча, Силаев кашлянул:

Простите, товарищ... э...

— Шипунов Евгений Олегович, — быстро включился посетитель и без паузы продолжил: — Возвращаясь к нашему вопросу, имею сказать следующее... Вы русский, Александр Иванович?

— Русский.

— Очень хорошо, — обрадовался Шипунов. — Так кому же, как не нам, русичам, радеть о благе земли отцов наших?

Евгений Олегович патетично воздел руки к потолку, а Силаев поспешно согласился:

Некому.

— Суть вопроса, — тон Шипунова стал деловым. — Так вот. Узнаёте? Он выдернул из папки ксерокопию какой-то схемы и подвинул её к Силаеву.

— Нет, — честно признался молодой глава, покрутив бумажку так и сяк. — Что-то, вроде, напоминает...

— Ну как вам не стыдно, Александр Иванович! Это же план территории вашей администрации!

Силаев быстро взглянул на стену, где висела карта его владений, сравнил её с ксерокопией и устыдился. Не очень, но похоже. Как он мог не узнать? Вот же населённые пункты обозначены, дороги, речушка...

— Вы, я вижу, человек образованный, — вещал Шипунов. — Я-то сам два института закончил. Так что в серьёзности моих намерений не сомневайтесь — это к бабке не ходи.

— К какой бабке? — не понял глава.

— Так, присказка... Вы знаете страну Швейцарию, Александр Иванович? Правильно, маленькая такая страна. С нашу область размером. А о том, что там самый высокий уровень жизни, знаете? Казалось бы, не государство, а так — фитюлька, с чего бы у них этот самый уровень? Тяжёлого машиностроения — нет, полезных ископаемых — откуда? Даже земледелие на нуле — горы да луга. А как же уровень? Я вам отвечу. Туризм! Туризм — к бабке не ходи!

Странный посетитель так возбудился, что уже бегал по тесному кабинету, стуча босыми пятками и размахивая руками.

— Теперь вернёмся к нашим, извините, баранам. Чем мы хуже этой Швейцарии? Ничем не хуже, а, я вам скажу, лучше! У них что? Горные лыжи да солнечные ванны — и всё. А у нас, как я уже говорил, места святые, чудодейственные места! Вот, поглядите, — Шипунов вернулся к своей ксерокопии, — на территории одной только вашей администрации целых два святых источника!.. Здесь и здесь — крестиками отмечены... В районе их семь! А в целом по области — пятнадцать! Если считать маленькие. Вот.

На стол легла ксерокопия побольше, областная.

— Если их линией соединить... вот так... Что получается, видите? Православный наш получается крест! Думаете, проста? Не-е-т!..

— Так-так, и что? — заинтересованно спросил Силаев. Ему никогда не приходило в голову, считать святые источники и уж тем более соединять их на карте — слышать слышал про такие, про то, что туда временами съезжаются какие-то паломники, тоже знал, но беспорядков от них никогда не случалось, и внимание на сей факт обращать, пожалуй, не стоило. Теперь же дважды образованный посетитель поворачивал дело в религиозную сторону, а Силаев, хотя и был не очень-то верующим, понимал, что к вопросам религии сейчас следует относиться осторожно.

— А то, что пора поднимать народ с колен! Наша область — уникальнейшая в мире, Богом избранная страна! Да-да, именно страна, и она вполне может содержать себя и, более того, процветать! За счёт чего, спросите? Да благодаря туризму же! Нет, не завтра, конечно, — большая предстоит

работа, но уже послезавтра к нам хлынут толпы паломников со всего света — к бабке не ходи!..

Шипунов откинулся на стуле и мечтательно зажмурил глаза.

Возникла тягучая пауза. Отчаянно стучала башкой в стекло большая чёрная муха. Слышалось, как тонко позванивали в шипуновской голове радужные грёзы. Глава сельской администрации нервно постукивал карандашом по столу, недоумевая, почему он ещё не выгнал сумасбродного товарища.

— Ну хорошо, а почему вы ко мне-то? — нарушил наконец тишину Силаев. — Вам, наверное, в район или даже в область надо.

— Рекламку пустим, — витая в облаках бормотал между тем Шипунов. — Особо и врать-то не придётся. А и приврать — грех невеликий. Какое дело сделаем!..

Включался он так же неожиданно и мгновенно, как и улетал в небеса:

— Дорогой мой Александр Иванович, конечно, надо к губернатору, но откуда ж начинать-то, если не с низов? У соседа вашего я вчера был. Поняли, поддерживают. Вместе мы — сила!.. Я ещё с народом поговорить хочу.

— Погодите-погодите, это сейчас вам собрать народ? — заволновался неопытный глава. — Боюсь, не получится...

— Получится, — лучезарно улыбнулся Шипунов. — Я по пути к вам в контору прошёлся по посёлку и пригласил людей подойти к девяти часам... Слышите? Народ-то уже, пожалуй, собрался. Хороший у нас с вами, Александр Иванович, народ!

За стенами конторы и вправду слышались голоса. Силаев тяжело встал из-за стола, прихлопнул широкой ладонью уставшую уже муху и со вздохом посмотрел в окно.

На полянке перед зданием сельской администрации собралось человек двадцать сельчан самого разного возраста — от шкодливого пацана Васьки до деда Никитича, слывшего в селе чудаком. Они переговаривались по-деревенски, не снижая голоса, перебрасываясь нехитрыми шуточками.

— Иваныч, — донеслось «из народа» при появлении в окне главы. — Правда, что ль, курорт у нас делать будут?..

Шипунов выступал перед жителями села минут сорок. Всё это время глава, будто загипнотизированный, стоял на крыльце и напряжённо всматривался в лица односельчан. Умного городского человека слушали молча, внимательно, вопросов не задавали.

Когда Шипунов закончил речь словами о бабке, к которой не ходи, народ улыбнулся, подождал чуть-чуть и зашумел.

— А ведь верно дядька говорит! — кричал здоровенный рыжий малый, явившийся на сход почему-то с вилами. — Чем мы хуже? Мы что — негры? Хватит, покопались в грязи!

Он со всего размаху вонзил вилы в землю, будто винтовку со штыком, и продолжал орать:

— Туризмом будем жить! Я, к примеру, могу бар держать! Что, не смогу, что ль?

— Да, ты смогёшь, — едко отвечала ему молодуха с козой на верёвке. — Ты, Колька, сам в своём баре весь продукт и пожрёшь, туристам нечего наливать-то будет. Уж ежели кому бар давать, так это Савостихе. У ней патент на производство имеется — почитай, со всей округи мужики отовариваются.

Старая Савостиха, услышав своё имя, приложила сморщенную ладонь к уху и проскрежетала:

— Чевой-то лехтор говорит?

— А ничего не говорит, он уже всё сказал. К бабке, говорит, не ходи — в бар за самогонкой ходи.

— Нету, нету самогону, — привычно заохала-заволновалась Савостиха. — Наговоры всё. Годов двадцать уж не варю, как участковый оштрафовал...

Мальцу Ваське надоело бездейственно топтаться, он залез на забор, сорвал с себя рубаху и стал вопить:

— Даёшь Швейцарию! Гитлер капут!

С забора баламута сдёрнули, но наказать не успели — умчался с гиканьем в луга. Бурное обсуждение продолжилось.

Энтузиаст идеи, приобняв за плечо обалдевшего Силаева, с высокого крыльца глядел счастливым отеческим взором.

Видя, что прения затягиваются и вообще выходят из-под контроля, глава всё же очнулся, выступил вперёд и гаркнул:

— Тихо! На гулянках будете кости друг другу перемывать, а здесь — не балуй! Никитич, ты что скажешь? — обратился Силаев к старику в рыжей болоньевой куртке — за три недели своего правления он успел оценить дельность иных бормотаний чудаковатого ветерана.

Никитич переложил клюку из правой руки в левую, стащил с головы картуз и вытер им сухой морщинистый рот. Сельчане следили, затаив дыхание.

Старик откашлялся и тихо, себе под нос, сказал:

— Хлебушек надо сеить... Пропадём без хлебушка-то...

Он тяжело и долго посмотрел вбок, в поле, где уже наливался живой силой молодой колос...

Поздно вечером, когда вдоволь наговорившиеся сельские труженики разошлись по домам глядеть в телевизорах, как «Аншлаг» колбасится по Волге-матушке, а нестигаемый радетель отечественного туризма отправился на постой к Савостихе, Силаев позвонил главе соседней сельской администрации и рассказал о сегодняшнем визитёре.

— Сашка, он что, у тебя!? — недослушав, кричал сосед. — Гони этого проходимца в шею! Он вчера у меня был, так сегодня народ на работу не вышел — в Лихтенштейн хотят, понимаешь!..

— В Швейцарию, — поправил Силаев.

— Один хрен. Нам с тобой работать надо, о туризме пускай в столицах думают! А источники наши на то и святые, что грех за деньги их продавать...

Силаев аккуратно положил трубку на рычаг и подумал: «Пропадём без хлебушка — к бабке не ходи!»